

Юрий Магаршак

Принцесса и Гномы

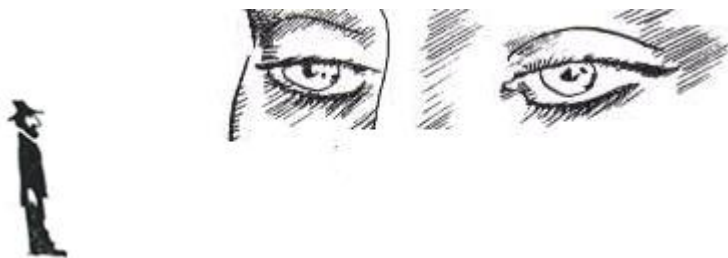
Экзистенциальная Сказка
си бемоль минор

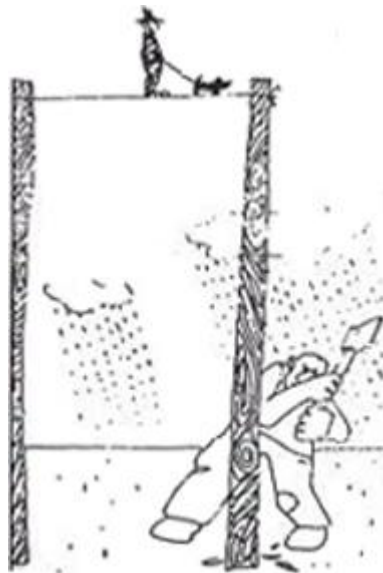
@Yuri Magarshak

Юра Магаршак

Принцесса и Гномы

С К А З К А
си бемоль минор

Рисунки Ю. Брусовани
Метаморфозы созданных Художником образов совершены сказочником

1979-1999 г.г.

Copyright Yuri Magarshak all rights reserved

Увертюра

В одном королевстве жила Принцесса.
Она была очень красивая,
но, несмотря на это,
ей было скучно.
Так тошно – не передать.

Часть Первая

От короля скрывали, сколько могли. Но в конце концов, дошло и до него – до королей вообще все долго доходит, а то, что касается лично их, в особенности. Монарх как раз собирался отбыть с визитом в одну заморскую страну, название которой не мог выговорить даже переводчик. Добрый король пригорюнился, но поездку отменять не стал. Повелел лишь одиннадцати министрам, чтоб к среде исправили настроение дочки – и отбыл.

В воскресенье утром в королевстве глашатаи протрубили в государственный рог и объявили праздник. Перед балдахином Принцессы выстроились конные бароны, блистая слатанными по фигурам латами. Теперь такой красоты уже не увидишь! Рыцари дружески беседовали сквозь забрала, пили из ходившего по кругу рога, пересказывали друг другу детали совершенных ими бессмертных подвигов, а по сигналу попрощались, пожелали друзьям-соперникам удачи и разъехались, чтобы биться насмерть.

Не прошло и часа, как в живых остался один, славный рыцарь Галемба. Тринадцать баронов сразил он одним копьём ударом в сердце, и еще четырех другим – ударом в печень

- Ах, как он ловок! – шептали придворные дамы – и заметьте: сложен, подлец, как Адонис!!

Но Принцесса только поморщила носик.

- Пфуй! – проговорил она брезгливо, – Все это я уже сто раз видела и слышала.

- Пфууй!! – повторили придворные дамы, обмахиваясь веерами, чтобы скрыть внезапный румянец на щечках и осушить выступивший на лобиках пот, – все это мы уже сто пятьдесят раз видели и слышали.

Славный рыцарь Галемба уплелся с позором, и, пока проворные униформисты, впрягшись по двое, увлакивали за ноги благородные тела, посыпали места, где они лежали, красными опилками и брызгали духами, протрубили Королевские Рога и под их аккомпанемент на арену выпустили Королевских Шутов – отца и сына. Они так смешно тузили друг друга, отпускали друг другу такие звонкие затрешины, что придворные дамы хохотали до слез. Только Принцесса не смеялась. Она заткнула ушки пальчиками по самые бриллиантовые кольца и замотала головой:

- Как все это глупо, как старо.

Услышав это высочайшее мнение, придворные дамы – все как одна! – мгновенно изменили выражения своих прекрасных личек на кислые и замурлыкали в унисон:

- Вот уж старо, так старо. А как глупо-то – и не передать.

И королевских шутов Велено было Высечь на конюшне.

Принцесса заглянула в программу, увидела, что следующим номером было повешение двух сестриц-колдуний, и зевнула.

- Скучно мне. Тошно. И нет цели в жизни, – констатировала она, ни к кому не обращаясь. Развернулась – и ушла сердитой походкой, при которой прямые складки на юбке скручиваются в спираль.

Фрейлины похолодели в предвкушении порки.

Фрейлины Похолодели В Предвкушении Порки

и с дружной безмолвной мольбой обратились к пышноволосой красавице. Это была Самая Верная Подруга Принцессы (согласно придворному титулу; неофициально же ее звали запросто – Вернуля).

Серебряная дружба в среднем бывает в два раза реже, чем серебряная свадьба, не говоря уже о золотой. Поэтому в королевстве для мужской дружбы год засчитывали за два, а для женской – за пять. Не удивляйтесь поэтому, что, хотя девушкам было по восемнадцать, они дружили по официальному счету без малого век. Собственно, Принцесса и ее Вернуля были больше чем подругами –молочными сестрами, ибо родная мама Вернули приходилась принцессе кормилицей.

И вот на виду у всего ристалища красавица Вернуля лукаво подмигивает красавицам-фрейлинам, успокаивает их жестом и, подхватив кринолин благородными ручками (чтобы не путался под ногами), бежит за принцессой вослед.

- Ваше высочество, а почему бы нам не отправиться ловить ГНОМОВ? - как бы невзначай предложила она. – Вам одного и мне одного: быстро управимся!

- Что ты, Вернуля, – испугалась Принцесса. – Еще околдуют нас. Ты же знаешь – они все тупые и кусаются. А всякий, кто с ними заговорит, превратится в пчелиный рой. Разве запомновала?

- Ерунда это! Вы Принцесса. Кто вам указ?

Но Принцесса все-таки сомневалась.

- Говорят, от них плохо пахнет. Этак мы всех женихов отвадим. Да и где они у нас будут жить?

Но Вернуля уже все обдумала.

- Голубушка Вы моя, Ваше Высочество, солнышко. Жить они будут у нас под балдахинами. Постелим коврик – много ли им надо? А что до женихов – от Вас они не отвадятся.
- Это почему же ты так уверена?
- Потому что Вы – Принцесса.
- А от тебя?
- А за себя я не боюсь.

Вернуля хитро подмигнула августейшей Подруге, и красавицы, отбросив последние сомнения, побежали переодеваться. Потом они открыли королевские закрома, взяли себе по сачку и

отправились

ЛОВИТЬ

ГНОМОВ.

Гномы водились в малиннике, что за воротами королевства налево. Давным-давно, при прадедушке нынешнего короля, они приплыли в королевство на маленьком корабле без весел и паруса и попросили дозволения жить. До того они приставали к берегам семнадцати королевств, шести княжеств и одной Англии, но отовсюду их прогоняли с позором. Правда, почти у каждого короля был свой

мааленький
придворный
гном,

которому позволялось под строжайшим контролем творить свои

мааленькие
волшебные
чудеса

– но принять у себя целое стадо!...

На такое мог решиться только прадедушка, известный в истории и далеко за ее пределами пацифист и либерал.

Прадедушка лично провел скипетром вокруг малинника черту, за которую ни один гном не имел права заходить под страхом выкалывания глаз всем его соплеменникам – по принципу *все за одного* – и

Всемилоостливейше Позволил Им Жить !!

- при условии

что будут платить тройную подать, которую гномы и платили вот уже сто тридцать два года сполна и исправно, что само по себе было чудом и являлось несомненным доказательством колдовских козней.

По вечерам в королевство из малинника нередко доносилось тихое пение – когда-то, при батюшке здравствующего короля, добрую половину гномов благородные рыцари затоптали конями за то, что во время религиозного праздника они пели слишком громко.

В первую же весну гномы уничтожили крапиву и засадили поляну цветами, которые были ничуть не лучше тех, что росли на клумбе рыцаря Галембы и тем более самого короля, но тщедушные гномы умудрялись отдыхать под ромашками и гладиолусами, как мы с вами под березой и пальмой.

Иногда в воскресенье благочестивые горожане позволяли молодежи забаву – топтать Малинник. Обычно юные рыцари собирались по одинацать – Магическое Число! – ибо в одиночку страшновато было, чар побаивались. Гномы забавно прятались во все щели, а под деревянными башмаками дружно хрустели маленькие домики без ставен и косточки.

Раз в году – в последнее воскресенье июня – в королевстве объявлялась Королевская Охота на гномов.

Из соображений гуманности, сезон продолжался только один день

– от рассвета до заката –

и отстрел дозволялся только с городской стены и строго в пределах лицензии, которая выдавалась:

только дворянам,
только мужеского пола,
только достигшим осьмнадцати лет,
и только Девятым Министром лично.

На зрелище обыкновенно собиралась Добрая Половина Королевства, тогда как другая, еще более добрая, принимала участие в стрельбах.

Порою казалось, что ждать осталось недолго: вот-вот гномов выведут под чистую и в королевстве начнется привольная жизнь. Но потом с городской стены можно было видеть, как вновь в Малиннике вырастали маленькие домики без ставень. Жители вспоминали, что гномы обладали сверхъестественной жизненной силой. И тогда даже у самых ретивых топтунов опускались кулаки.

Подкравшись к поляне, Принцесса с Вернулей долго наблюдали, укрывшись за кустом сирени, как в маленьком селении течет маленькая жизнь. Гномы копали, пололи, смеялись, и кажется даже разговаривали между собой, размахивая руками, совсем как люди!

Долго не могла Принцесса выбрать себе гнома по сердцу. Все они были тощие и на одно лицо: рыжие и курносые.

Вдруг откуда-то послышались – что бы вы думали? Звуки скрипки! Девушки замерли, прислушались, заслушались и в изумлении переглянулись – откуда бы им раздаваться в самом деле, да еще в таком месте, где вот уже больше ста лет как не ступала нога человека?

Через мгновение, однако, все разъяснилось.
На противоположном конце поляны,
на маленькой утрамбованной кучке земли
– как на сцене! –
стоял гномик во фраке и водил
по маленькой скрипочке
маленьким смычком,
стоя во весь рост
в тени георгина.

Девочки переглянулись

ПОРА!

Они взяли сачки и,
к р а д у ч и с ь
(чтобы не вспугнуть обитателей малинника),
пошли на носочках,
осмотрительно ступая между домами.

Но остаться незамеченными им не удалось. Гномы забили тревогу.

- У, проклятые! – с досадой воскликнула в сердцах Вернуля и улюлюкая, погналась за облюбованным ею гномом. Девочка бежала до тех пор, пока не зажала малыша в кулачке. Она приложила руку к уху – жужжит.

Девочка Бежала До Тех Пор,
Пока Не Зажала Малыша В Кулачке.
Она Приложила Руку К Уху – Жужжит.

Девочка бежала до тех пор, пока не зажала малыша в кулачке. Она приложила руку к уху – жужжит.

- Теперь самое время протянуть руку дружбы подруге, она у меня такая неуклюжая! – подумала умная Вернуля, а вслух сказала певуче:

- Аууу, Ваше Высочествоооо! Голууууубушка, где Выыыыыы??????

Девушка прислушалась. Маленький скрипач продолжал играть как ни в чем ни бывало среди общего переполоха.

- Наверно, глухой..., – подумала Вернуля и увидела Принцессу.

Будущая королева подползла почти к самому гному, так что
платье с прямыми складками, грудь и талия были на земле,
а Августейшая Голова на длинной, как стебель, Шее
(на мгновение показавшаяся Вернуле по сравнению и с цветком, и с
маленьким музыкантом огромной, как у сказочного зверя
из сновидений)
смотрела сверху,
с громадной высоты,
почти с небес,
которые вдруг приблизились и опустились –
и на гнома,
и на его скрипку,
и на заботливо раскрытый над скрипачем георгин,
который в такт звукам, казалось, что-то шептал,
беззвучно шевеля лепестками.
Принцессе оставалось только протянуть руку,
чтобы схватить виртуоза,
или взмахнуть сачком,
чтобы поймать его.

- ... и слепой, – добавила Вернуля про себя с усмешкой и покрутила головой, чтобы стряхнуть с нее незваное оцепенение, как застрявшую в волосах щепку.

Принцесса прицелилась и с первого раза
без труда
накрыла
гнома
сачком.

Но и из-под сачка мелодия, звучавшая, как посланье с далекой звезды или вообще из другой вселенной, которая однако же (и это самое главное!) таковой не была, потому что ее можно было потрогать, растоптать башмаками или зажать в кулаке, раздавалась до тех пор, пока Принцесса не завернула гнома со всей осторожностью в сеточку от сачка и не завязала ее узлом, опасаясь, как бы ему чего не переломать – и только тогда музыка внезапно прервалась на полуноте. Раздался хруст...

Конец Первой Части.

Часть Вторая

Раздался хруст... Сердце девушек ушло в пятки. Нога принцессы провалилась в ямку, в которой копошились гномы – как в муравейнике. Со всех ног помчались девушки к забору королевства, вихрем промчались сквозь как бы сами собой раскрывшиеся перед ними ворота и только во дворце перевели дух.

- Покажите мне своего, Ваше Высочество, – попросила Вернуля.

- Нет, ты первая! – приказала Принцесса.

Фрейлина разжала кулачек – и гном повалился на стол, как кукла.

Вернуля двигала его

и за ручки,

и за головку,

ставила на ножки –

все напрасно. Приложила гнома, взяв двумя пальчиками за грудку, к уху – не жужжит.

- У, проклятый! –с досадой сказала красавица и выбросила гнома в мусорную корзинку.

Зато гном принцессы был живехонек. Не успели его развязать, вынуть из сачка и поставить на стол, как он невозмутимо поправил крахмальнй воротничок, покрутив тонюсенькой шейкой, выравнял галстук-бабочку и заиграл, да чуть ли не с той самой ноты, на который прервался. Фрак, жилет и панталоны на нем сидели безукоризненно, по всему видно – портной знатный. Такой знатный, что Принцесса даже позавидовала и подумала: мне бы такого. И только мысль, что для того, чтобы снять с нее мерку, маленькому портняжке придется по ней

ползать,

карабкаться,

(а может быть даже)

и бегать,

рассмешила августейшую девушку, и она, неожиданно для себя самой, представив эту картину, как если бы она уже происходила с ней наяву, отогнала мысль рукой, как неприличную.

Девушки сели к столу, замерли, глядя на гнома в упор и, подперев румяные щеки руками, не сговариваясь, стали стараться дышать как можно тише, чтобы не сбить виртуоза дыханием с ног.

Гном тем временем продолжал играть, словно не замечая их умиления.

- Какой славный! – хором воскликнули девочки и от удовольствия захлопали в ладоши. Вернуля хотела было потрогать гнома за скрипочку, но Принцесса не позволила.

- Запрещаю. Он мой.

Прежде всего, гнома следовало умыть с дороги. Принцесса с Вернулей аккуратно сняли с него

фрак,
брючки,
галстук-бабочку,
рубашечку,
туфельки,
трусики
и
носочки –

все такое тоненькое, маленькое, воздушненькое, что только о том и думали, как бы чего не порвать. И в самом деле, как, спрашивается, все это потом залатать?! А о том, чтобы королевские портные сшили на гнома новое платье, которое сидело бы так же хорошо как это, даже мечтать было нельзя – уж больно делакатная работа.

- Гляди! Волосатенький! – умилилась Вернуля, и пощекотала гнома тоненьким пальчиком (который, однако, был точно такой же толщины, как и маленький музыкант). В самом деле: на груди и между ног виртуоза поблескива рыжий пушок.

Умелая Вернуля осторожно выстирала одежду гнома, а потом в том же тапике и его самого, и в ожидании, пока они высохнут, благородные девушки принялись разглядывать мальчика.

- Ах, если бы он сыграл нам что-нибудь этакое, что он был бы за прелесть!

Как бы поняв человеческую речь, Гном почесал бороду и заиграл. До того волшебной звучала мелодия, что Ножки у девочек сами пустились в пляс.

- Вернуля, душенька! – запела Принцесса, не в силах остановиться, - почему у нас в королевстве никогда не бывает балов? Только и развлечений, что рыцарские турниры да публичные казни, а порядочным девушкам и повеселиться негде!

И, мгновенно преобразившись и став величественной, приказала: Завтра же прикажу бал!!

Причем, сказав это, она подпрыгнула от радости, взвизгнула и захлопала в ладоши – до того понравилась ей эта мысль.

На ночь девочки постелили гному половичок возле камина – чтоб не замерз – и пристегнули к каминной решетке кожаным ремешком японской работы – чтоб не сбежал. Спать они легли вместе и долго шушукались – о счастье, о будущем, о любви..., - впрочем, о чем шушукаются в постели восемнадцатилетние девочки знают только они.

Наутро с государственной колокольни было объявлено, что с сего дня народу вплоть до конюхов (но не включительно, а исключительно) дозволялось плясать и играть на дудках в любое время дня и ночи, кроме рабочего, а петь и ликовать – круглосуточно.

Это во-первых.

Во-вторых, велено было выявлять в народе таланты и доставлять их во дворец

живыми

или

мертвыми.

И наконец: для поощрения расцвета наук и искусств

назначено было

за сокрытие талантов,

как чужих,

так и, в особенности, своих собственных,

каждому подданному,

независимо от пола и звания,

получить пятнадцать священных Кнутов на торгу.

В первые часы после обнародования повеления
королевство притихло...
но потом загудело...
и мало-помалу заликовало.

Одного за другим ко двору жандармы приводили Талантов и Самородков, да все голодные, оборванные – откуда что бралось?!

Палачи разучивали фигуры мазурки.

Королевские шуты (которым впервые позволили потешать народ не только мимически, но и с помощью языка) репетировали на конюшне, и, судя по всему, там создавалось нечто более прекрасное, чем Илиада.

Работа спорилась, рождаемость увеличивалась.

Крестьяне, собрав знатный урожай, забрались на стога, и, разбившись на пары, разучивали па-де-де.

Кабинет министров в полном составе репетировал кантату под руководством капельмейстера, нарочно выписанного из-за границы. Ну и намучился же маэстро с ними! Он-то мечтал, чтобы, как это якобы принято у них, иностранцев, одиннадцать министро пели на четыре голоса, а одиннадцать министров норовили, как это якобы принято у них в королевстве, на одиннадцать голосов.

К балу народ, за шутками и прибаутками забывший бояться, готовился дружно, и боялся лишь одного: не успеют.

Но так уж устроено у людей, что если им надо к сроку, то худо ли, бедно ли, а сделают, каков бы ни был этот срок: два дня или два года.

Когда король, строгий и величавый, как на государственном портрете (а, может быть, даже немного подражая себе самому на нем), сходил в сопровождении Худосочного в чалме с трапа, сам того не зная, с корабля на бал, он не узнал своей столицы.

Шестидюймовые пушки выстреливали в воздух
Огнями
Фейерверка!

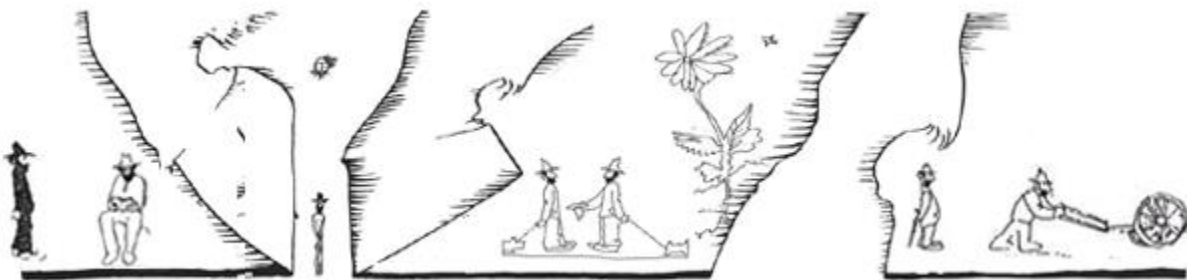
В воздухе пахло шампанским!

На королевской стене дозорные складно пели,
а из бойниц (вместо трехдюймовок) выглядывали
*румяные
девичьи
бюсты.*

- Этоо чтоо таакоое? – изумленно воскликнул строгий король, от негодования растягивая слова и надувая щеки, словно собираясь дуть в рог.

Королевство замерло буквально на полувздохе. Принцесса же, сама удивляясь своей бесшабашности, подмигнула Вернуле, и с двух сторон красавицы кинулись королю на шею – да не просто так, а с поцелуями! В следующее мгновение Королевство, как один человек, присело от ужаса в ожидании чего-то, что неминуемо произойдет – да впрочем, и происходило уже до того не раз и не два. Но тут вдруг, вопреки обыкновению, королевское чело прояснилось – и у подданных стало легче на душе.

- Их Величества чело прояснилось! – радостно зашептал народ друг другу на ухо.

ИХ ВЕЛИЧЕСТВА ЧЕЛО ПРОЯСНИЛОСЬ!
– радостно зашептал народ друг другу на ухо.

Пейзанки заплясали, как феи.
Музыканты заиграли, как дьяволы.
Одиннадцать Министров были в ударе
и, к удовольствию капельмейстера,
спели кантату ровно на пять голосов,
не меньше – но и не больше
(причем кто пел пятым голосом, а кто третьим, не-смотря на все усилия
летописцев, так и осталось невыясненным).

Однако гвоздем программы был все-таки королевский шут-сын.
Гибкий брюнет с орлиным профилем был королем слова – всего только
слова! – но для шута (согласитесь!) и это немало. Казалось, не было
такой вещи под солнцем и луной, которую он не мог бы представить в
смешном свете. Словно алхимик, брал он *прэдмэт* – будь то женский
локон или уголек камина – и превращал его в смех такой чистой воды,
что, если бы он был бриллиантом, цены бы ему не было. Хохот горячил
рыцарей не хуже вина, которое – неслыханная вещь! – стояло
нетронутым. Шут давал публике отсмеяться своим бессмертным Го-Го-
Го и, как только старая шутка начинала остывать, подбрасывал две
новых. Придворные дамы катались по полу. Строгий король заливался
до упаду и бил себя по ляжкам.

- Ну, удружила, дочка. Ну, спасибо! А я то, дурень, не позволял этого
чуда раньше. Прежние шуты были похлеще – куда этому! – если б я им
только разрешил они бы о-го-го!! Сама видишь: у меня что ни холоп
то гений. А до чего самобытный народ! Талантливы, шельмы! Им
только разреши – они самого Перуна за пояс заткнут! Жаль только, что
разрешать им ничего нельзя – чтоб на голову не сели. Кстати, малый, а
папашка-то твой где?

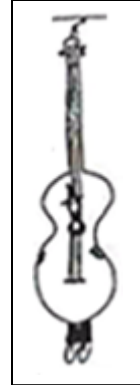
- Умер, ваше величество. Нынешней ночью преставился.

Король всплеснул маленькими королевскими ручками.

- Господи боже правый. Да как же это? При каких обстоятельствах?
- Обыкновенно-с, ваше величество: после побоев на конюшне-с не встал-с.

Гогочущий ураган покрыл последние слова шута-сына и смел их, как бушующие океанские волны лачугу рыбака на берегу.

- Умер!
- Бруг-га-га!
- На конюшне!
- И-го-го.
- Преставился!
- Во дает!
- После побоев!
- Ох, не могу...

Волна смеха все еще нарастала, когда внезапно Принцесса хлопнула в августейшие ладоши после чего все тотчас затихло и смолкло, а шут удалился, отвесив изящный поклон.

- Я приготовила тебе маленький сюрпризик, Мое Величество. Такой маленький-маленький, малюсенький-малюсенький...
- А я тебе, мое высочество, - признался король, не переставая смеяться, в то время как Третий и Девятый министры по очереди вытирали тончайшими батистовыми тряпочками пот с августейшего лба.
- Нет уж, позвольте мне первой.
- Да почему же это именно тебе первой?
- Потому что я первая попросила, вот почему. Так что я буду первая – и с условием.
- Каким еще условием?
- А вот каким. Вы мне обещаете *не сер-чать*.
- Но...
- Обещаете или не обещаете?
- Ну если сюрпризик маленький, – по обыкновению уклончиво пробурчал Король – и внезапно побледнел:
- А что за сюрприз-то?

Вместо ответа Принцесса хлопнула в ладоши, и Вернуля поставила на стол большую янтарную шкатулку.

Хлопнула вдругорядь – крышка открылась.

Хлопнула в третий раз – из шкатулки вышел гном со скрипкой.

В дворцовой зале зашипела зловещая тишина.

- Ба! Да это же гном!! – шептали шокированные прекрасные дамы и могучие рыцари, колеблясь, то ли разбежаться в страхе, то ли затоптать колдуна деревянными башмаками. Гном тем временем взял смычок и заиграл. И, как по волшебству, грозные лица придворных стали проясняться. Несмотря на все усилия сохранять мрачное и внушительное выражение, предписываемое этикетом, на них, как цветы на лугу, расцветали улыбки, добрые и восторженные одновременно, то есть именно такие, какие (по общему официальному мнению) были присущи детям и идиотам. Даже алая роза в волосах у незамужней Сестры Короля, которая совсем уже было завяла, встрепенулась и зацвела во второй раз.

Рыцари, заикаясь, приглашали дам потанцевать с ними, и спустя миг они уже грохотали латами в вихре польки.

- А меня пригласить некому, – горько думала Принцесса, из осторожности ни к кому не обращаясь, – потому что мне нет здесь достойной пары. Ах, как все-таки грустно быть принцессой!
- Позвольте пригласить Вас на вальс, ваше Высочество.

Принцесса вздрогнула,
сердце упало,
покраснела,
побледнела,
покраснела опять.

Перед ней, ловко опершись коленом об пол, стоял молодой шут.
Он был прекрасен, а глаза пылали, как факелы.
Шут смотрел на принцессу такими глазами, что,
если бы это было в Венеции,
его бы
немедленно
отравили.

Но тревога оказалась напрасной. Король откуда-то уже обо всем знал и сам, стуча деревянными башмаками (работы, кстати сказать, всемирно небезизвестного башмачника) спешил им навстречу.

- Благославляю! Благославляю!! – он возложил маленькие королевские ручки на плечи коленопреклоненным влюбленным и растрогался.

- Жаль мать не дожила. То-то счастье бы было!

- Твой сюрприз, батюшка, – напомнила Принцесса. – Или ты хочешь, чтобы я от любопытства сгорела, как щепка?

Тень набежала на лицо короля, и оно погрузилось в сумрак.

- Жениха я добыл тебе, дочка. Заморского шаха. Всем хорош шах – только не нужен он нам больше.

- Власть стала мне ненавистна, – пояснил Худосочный Заморский Шах и снял Чалму. Под Чалмой у него был череп гладкий, как каток – Только что я решил навсегда отречься от престола и податься в мудрецы.

- Он будет у нас свидетелем! – решил бывший шут, и, не вставая с колен, фамильярно похлопал бывшего шаха по плечу, как равного. Тот закачался.

- А Вернуля свидетельницей! – добавила Принцесса, захлопав в ладоши. – У нас будет пир горой, а гному прикажем, чтоб было весело... Да где ж он?

Кинулись искать гнома.

Обыскали весь дворец.

Кто-то из генералов отдал уже было приказ перекопать малинник...

Конец Второй Части.

Часть Третья

Кинулись искать гнома,
кинулись искать гнома,
кинулись искать гнома,

Обыскали весь дворец,
Обыскали весь дворец,
Обыскали весь дворец,

Кто-то из генералов отдал уже было приказ:

Перекопать Малинник!
Перекопать Малинник!!
Перекопать Малинник!!!

– да не успели. Нашли Гнома в розарии. Он лежал навзничь – футляр под головой – и смотрел в небо. Героя дня подняли на руки, накрыли ему стол на табурете и дали пирожных, некоторые из которых были больше, чем их поедатель. Толпа бысто набегала. Те, кто стояли сзади, вставали на носки и спрашивали:

- Че? Че случилось?

А те, кто стоял спереди отвечали:

- Потихе вы, там! Хнома не видели, што ли?

Всякий раз, как гном подносил кусок ко рту, фрейлины умилялись и умоляюще смотрели на усатого фельдмаршала. Старый вояка долго крепился, но в конце концов не выдержал, сдался! и, крякнув, пожаловал Гному

*Медаль
За Кавалерийскую Удадь*

которую тут же собственноручно и прикрепил на миниатюрную грудь.

Когда Гном
поел,
Принцесса
на руках
отнесла
его домой,
положила
на половичок
у камина,
закрыла
ширмочкой,
дождалась,
когда заснет,
и хотела было
пристегнуть
на ночь
расписным

ремешком, но
передумала.
Сняв
деревянные
башмаки,
чтобы
их скрипом
не перебудить
весь дворец,
на цыпочках
вышла
она на
балкон
и сделала
шуту
условный
знак...

Наутро у Королевского Кабинета выстроилась очередь.
Придворные наперебой просили продать им гномов.
Король Встал в Хорошем Духе – никому не отказывал.
К полудню все гномы в Малиннике были разобраны –
Даже Кое-Кому не хватило.

К вечеру же был издан указ,
которым запрещалось держать в доме больше одного гнома.
Кроме того, запрещалось
(из соображений Государственной Безопасности)
выпускать гномов на улицу
и носить их в гости друг к другу за пазухой
и в других емкостях
из одного дома в другой.

Королевские законы писаны для всех, кроме королей.

Королевские Законы
Писаны Для Всех,
Кроме Королей

Своего гнома Принцесса водила гулять по городу на шелковом поводке – о намордничке и речи не было. Гном важно ступал впереди, держа в руках скрипку, с которой никогда не расставался, и даже на ночь клал футляр с волшебным смычком под голову.

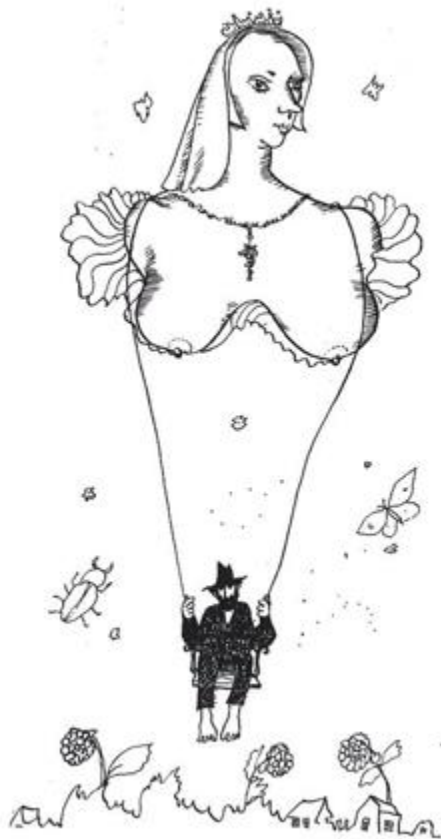

По дворцу же гном бродил свободно. При нем не стеснялись, и он видел много такого, что нам с тобой и не снилось. Каждый из Одиннадцати Министров был бы не прочь порасспросить гнома кое о чем и кое-что поручить (не исключено, что даже и за отдельную плату!) но боялись, вступив в словесный контакт с гномом, превратиться в пчелиный рой, и это как-то останавливало.

Всего за каких-нибудь два-дня-и-две-ночи
гномы привыкли к своему новому положению и
принялись за чудеса.

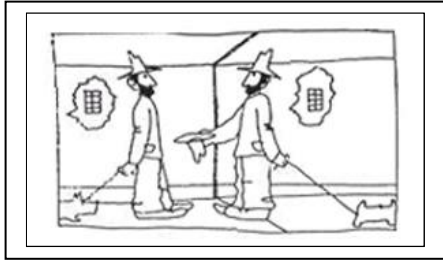
Видимо, несмотря на чрезвычайные меры,
им каким-то сказочным образом удавалось сноситься между
собой, потому что чудеса их возникали
в нескольких
местах
сразу.

Так,
очень
скоро

на крыльцах домов и воротах замков появились Волшебные Ларецы. Стоило положить в такой Ларец письмо с написанным на нем адресом – и к утру оно само оказывалось у адресата.

Потом пришла очередь Волшебных Колодцев. Достаточно было повернуть рукоятку – и вода сама бежала в дом.

Один совсем еще безбородый гном колдовал в хлеву, в котором его содержали, неделю, после чего из хлева выехала Волшебная Телега, на которой хозяин, славный рыцарь Галемба, ездил без лошади, даже в гору!

А когда гном барона Бирона доволшебничался до того, что лампы в доме его знатного хозяина стали гореть без керосина, люди стали открыто поговаривать о нечистой силе. Скороходы и водовозы, оставшиеся по милости гномов без работы, первыми написали совместное письмо Королю, в котором указывали, помимо прочего, что (цитирую):

**“Как известно,
единственной целью гномов
является превращение
жителей королевства
в пчелиный рой”**

(конец цитаты) и при этом ссылались на исторические и доисторические примеры, и не только написали,

но и подписали,

и положили в конверт,

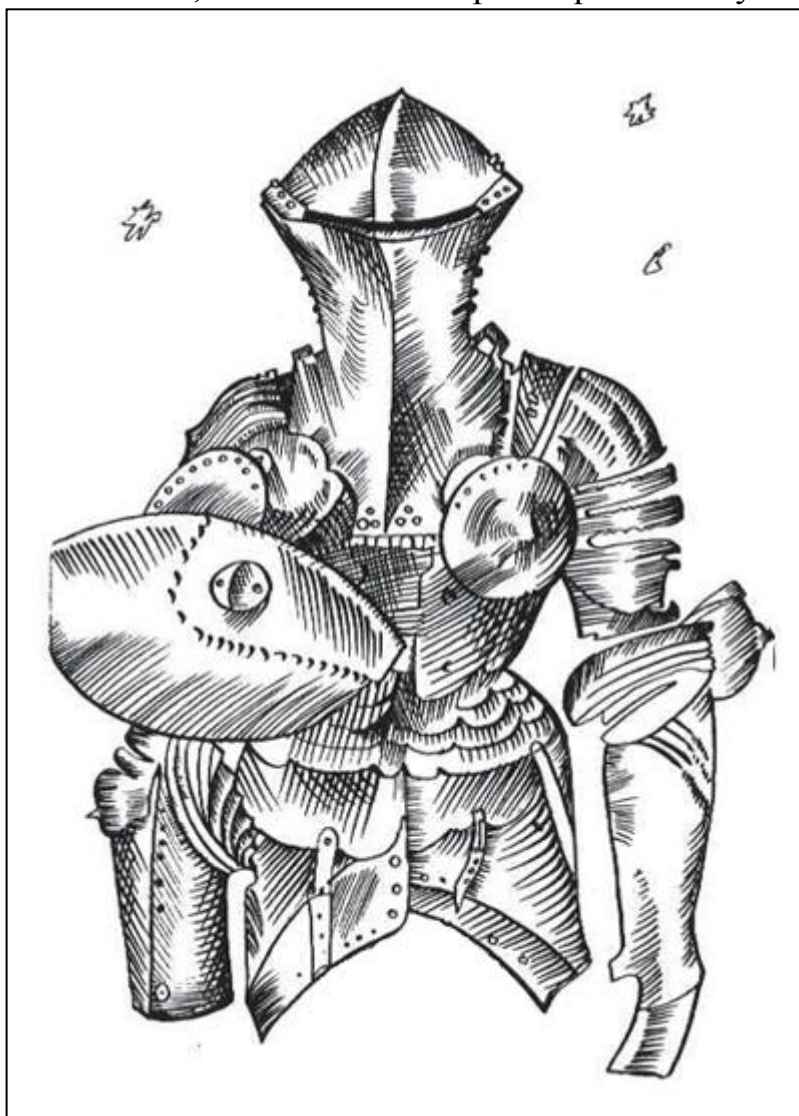
и запечатали,

и опустили –

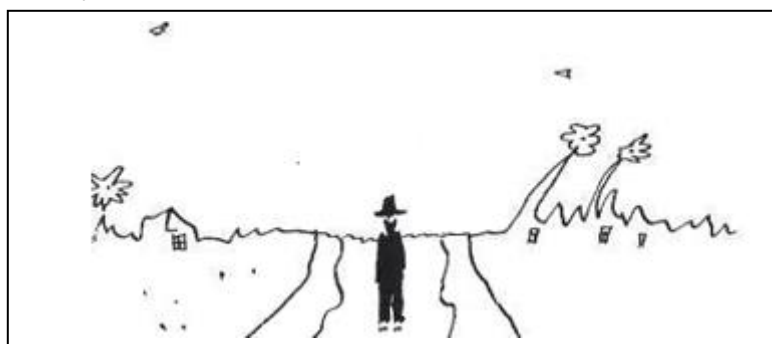
в ближайший Волшебный Ларец.

Всего же хуже было то, что под влиянием контактов с гномами резко возросло число колдунов и колдуний среди жителей королевства. Если раньше их сжигали в среднем одного-двух в год, то теперь Блюстители Общественной Чистоты работали по восемнадцать часов в сутки – от рассвета до заката.

Так, наглядевшись на волшебную телегу Славного Рыцаря Галембы, безымянный батрак Барона Паскунтэ

соорудил точно такую же. Затем этот лентяй в присутствии свидетелей прикрепил к дьявольской повозке плуг и за день вспахал поле, которое упомянутые свидетели не вспахали бы и за месяц.

И это только одно дело о колдовстве из сотен, которые даже самых беззаботных цирюльников заставляли задумываться о том, куда катится королевство.

Увы! Очарованный Король необходимых мер по избавлению страны от колдунов не принимал, а вместо этого принимал заморских гостей и в свободное от королевствования время играл на бубне.

Находились, правда,
расправлявшиеся
на свой страх и риск,
проблему в
масштабе им было

смельчаки,
с гномами
но решить
общекоролевском
не под силу.

Люди ждали. Все понимали, что долго так продолжаться не будет, а

Когда Все
Что-Нибудь
Дружно Понимают,
Это Самое Что-Нибудь Обязательно Происходит.

И действительно, в июле на королевство обрушилась засуха. Целый месяц на небе не появлялось ни облачка. Первые две недели подданные, радуясь хорошей погоде, купались в королевской реке, но потом они заметили, что на полях за рекой злаки чахнут, а фрукты вянут, и, с присущей жителям Королевства сметливостью, догадались, что если так будет продолжаться, то не кушать им зимой ни риса, ни маиса.

Ясно было, чьих это рук дело.

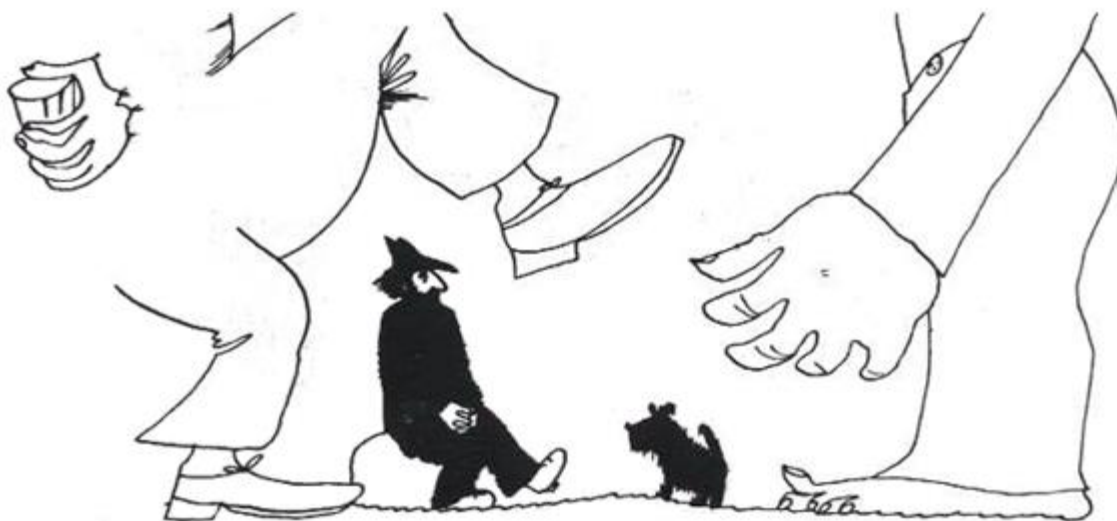
Дошло даже до короля, хотя, до королей, как известно, доходит долго.

Когда же до короля дошло, он не долго думая (потому как долго думать королям некогда; да и вообще недостойно это высочайшего королевского достоинства – книжки читать, как обыкновенным смертным) надел Августейшие Нарукавники, взял в Августейшую Десницу Августейшее Перо, и через каких-нибудь пять минут в ближайший волшебный ларец было опущено письмо без адреса, в котором на гербовой бумаге было начертано

ВЫСОЧАЙШЕЕ ПОВЕЛЕНИЕ

**Засуху прекратить к среде
потому как на четверг назначена
Августейшая Свадьба**

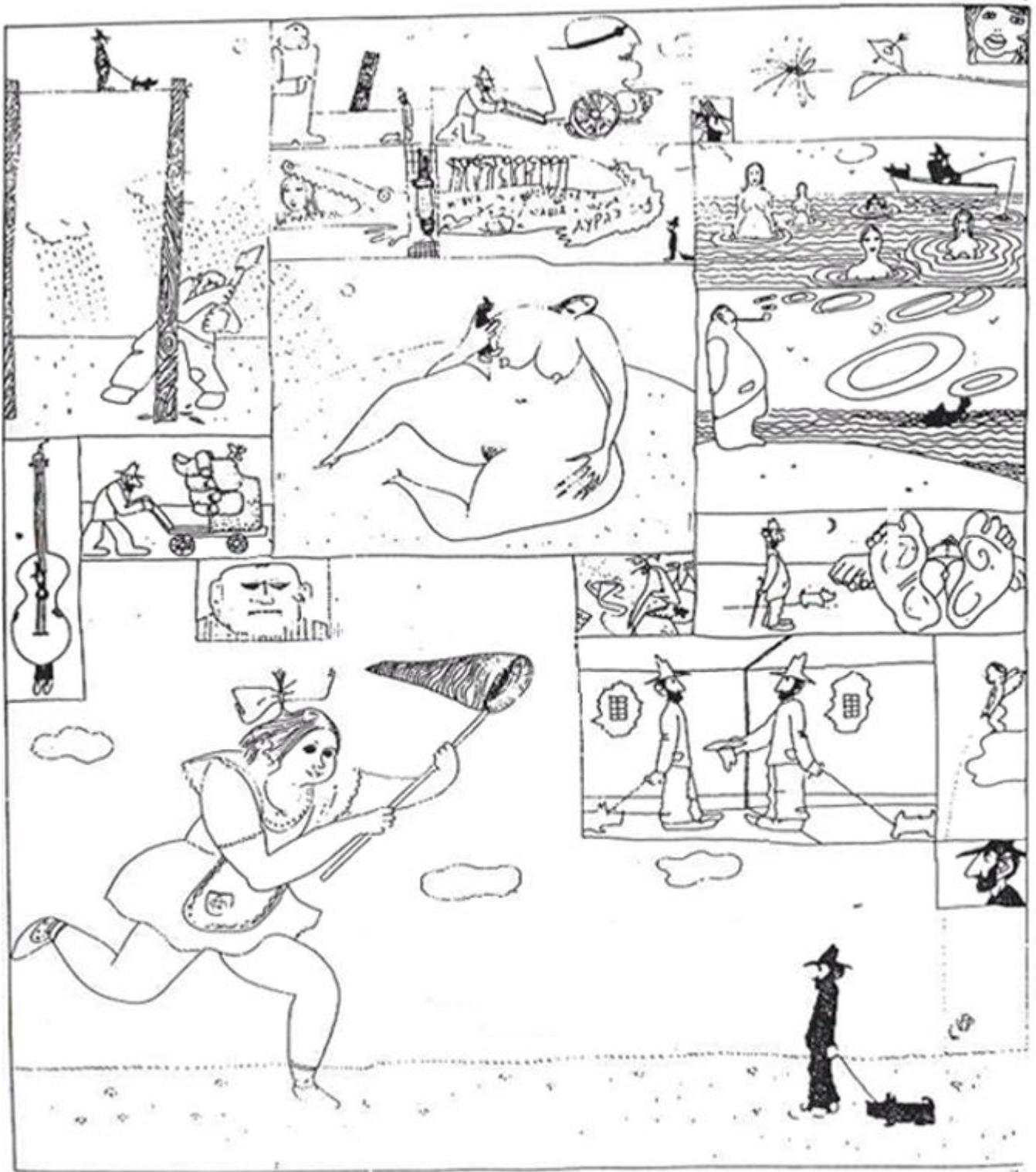
Надо ли говорить, что в ночь со вторника на среду никто не спал. Люди ждали утра, как бы раздвоившись, причем одна половина их натуры (а именно та, которая хотела есть) крепко надеялась на Чудо, тогда как другая, патриотическая – на то, что Чуда не произойдет. Перед восходом многие бились об заклад: одни точили серпы, другие ножи.

И когда взошло солнце...

Конец Третьей Части

Часть Четвертая

Перед восходом многие бились об заклад: одни точили серпы, другие – ножи.
Перед восходом многие бились об заклад: одни точили серпы, другие – ножи.
Перед восходом многие бились об заклад: одни точили серпы, другие – ножи.
Перед восходом многие бились об заклад: одни точили серпы, другие – ножи.

И когда вошло

Солнце

Солнце

Солнце

Солнце

озарив своими Живительными Лучами
Лазурное Небо и
Черепичные

Крыши

Крыши

Крыши

Крыши

даже самые тихие звездочеты поняли:

ПОРА!

К вечеру с гномами было покончено. Их закопали в яму за забором королевства, а сверху посадили крапиву. Колдовские вещицы собрали в одну большую кучу и устроили из них костер. Вокруг костра бароны на радостях плясали с фрейлинами и дружно топали деревянными башмаками.

Наступил четверг, но праздник и не собирался идти на убыль.
Он еще только разгорался.

Дворец утопал в розовых лепестках, которые по приказу Одиннадцати Министров были сорваны со всех роз королевства. Народ пил за принцессу бесплатное вино прямо из бочек и кричал: ‘Уррраааааа!!’ Музыканты играли, как дьяволы.

Плясуны танцевали, как боги.

Невеста была красавица, да и жених выглядел совсем не так глупо, как обычно бывает на свадьбах. Бывший шут был очень серьезен, потому что,

когда женишься на Наследнице Престола,

не до шуток и

ухо

надо

держаться остро.

Ровно в полночь, когда веселье было в зените,

Принцесса хлопнула в ладоши – и все смолкло.

Хлопнула вдругорядь –

и верная Вернуля принесла и поставила на стол янтарную шкатулку.

Придворные оживленно зашумели, а дамы принялись в предвкушении возбуждения усердно обмахиваться веерами.

Принцесса хлопнула в третий раз –

из шкатулки вышел Гном и,

не дожидаясь,

пока стихнут овации,

заиграл.

Так печальна была мелодия,

Что у всех, кто ее слышал,

Глаза сделались влажными

А сердце треснуло.

- Ты что? Спящий? – шепотом прошипела Принцесса, – свадьба же, не поминки.

Впервые она, забыв об угрозе превращения в пчелиный рой, обратилась к гному как к человеку – и затрепетала.

- Ну и пусть, – надулась Принцесса, закусив губу, – тогда я их всех закусаю! Да так, что век меня, то есть нас, помнить будут!!

Тем временем придворные дамы начали всхлипывать, тушь, которой были раскрашены их прекрасные глаза, потекла, и они заплакали еще горше.

Бароны же почему-то вдруг принялись дружно, все как один, сморкаться, утираясь носовыми платками, изобретенными и вошедшими в моду незадолго до этого.

Минуты шли за минутами, королевский маятник качался, стрелки часов двигались в ту же сторону, что и обычно, и никаких метаморфоз с принцессой не происходило. С удивлением убедившись в этом, Принцесса (будучи, как вы успели заметить, азартной девушкой) рискнула рискнуть еще раз и бросить вызов: не то обманщикам-прорицателям, не то Гному, а может быть, и самим небесам.

- Неблагодарный! Так-то ты отбалагодарил меня за то, что я спасла тебе жизнь, – всхлипывала она, – Если ты не переменишь мелодию на противоположную, я отберу у тебя скрипку.

Но гном не поддался на уговоры
Казалось, он вовсе не слышит или не понимает их
Он играл...
И была в его музыке вся боль земли,
И горе,
И мудрость сквозь слезы,
И вечность.

Придворные дамы бились в истериках. Могучие рыцари рыдали не таясь, слезы капали с лат на розовые лепестки, и с лепестков тоже капали слезы. Даже лакеи, высившиеся, как столбы, у дверей, украдкой смахивали что-то с краешков глаз, а уж им то это было никак не положено.

Рыдая, Принцесса отобрала у гнома скрипку. Она велела Вернуде унести маленького мятежника в спальню, пристегнуть к каминной решетке поводком, предварительно укоротив его, и, в знак особого неблаговоления, закрыть ширмочкой, что та и сделала, утопая в слезах.

После избавления от недоброго волшебника наступило повальное оцепенение. Потом понемногу пелена слез, застилавшая глаза, стала высыхать, дурман жалости рассеиваться. Первыми очнулись музыканты. Заиграли – сперва тихо, а потом все громче и громче, дружнее и дружнее. Глядя на них, зашевелились повара. Официанты долили в кувшины вино. Потом сменили пустые кувшины на полные. И еще сменили. И еще. И еще. По всем приметам, Гному не удалось испортить праздник. Веселье опять начинало потрескивать, как дрова в костре, прежде чем вспыхнуть ярким пламенем, чтобы исчезнуть в нем - навсегда. Бароны плясали с фрейлинами краковяк, деревянные башмаки топали о половицы. Бывший заморский шах в заморском танце прыгал через Вернулю, и она отвечала ему взаимностью. Шут-наследник с тестем-королем регулярно пили на брудершафт, но на ‘ТЫ’ не переходили. Принцесса в подвенечном платье сидела одна и размышляла.

- А, собственно, зачем мне выходить замуж за шута, если я могу за заморского шаха? — подумала она вдруг, и поразились простоте и очевидности этой мысли.

Не долго думая (ибо долго думать у них было наследственно не в роду, с тех самых пор как Прадедушка Действующего Короля не долго думая захватил власть и держал ее в руках до самой смерти и даже еще целых два года после нее) не долго думая, повторяю я, хлопнула Принцесса в ладоши.

А когда вдруг во всем королевстве дружно стало тихо (так тихо, что если бы пчела пролетела вдоль одного конца его, жужжание было бы явственно слышно на другом, противоположном) когда внезапно стало тихо, повторяю я, Принцесса встала на пень и объявила, что передумала.

Услышав это сенсационное сообщение,
фрейлины потеряли дар речи,
переглянулись со своими рыцарями,
те – с вассалами,
те – с холопами,
и все вместе закричали

Урра!

Потом кричали ‘Урра’ бароны,
потом фрейлины,
потом опять рыцари,
потом одиннадцать министров,
потом холопы,
потом друг за другом всей страной волнами,
сначала в одну сторону,
потом в другую,
сперва от правого края до левого,
потом от северного края до юго-западного,
потом снизу вверх от холопов до рыцарей,
потом сверху вниз от рыцарей до холопов,
а затем все вместе не сговариваясь
(потому что в королевстве издавна лукавые подданные
понимали друг друга тем лучше, чем меньше говорили между собой)
дружно стали уговаривать заморского шаха изменить свое
бесповоротное решение податься в мудрецы и вновь взять власть в
заморской империи в свои, то есть, в его, руки.
Когда же Народу это удалось
(и ни секундой раньше!)
все бросились на колени и забили поклоны, а
Одиннадцать Министров спели Кантату на Двенадцать Голосов,
также не вставая с колен.
Заморский шах попытался было поднять их всех разом, пользуясь
авторитетом седьмого министра
и физическим превосходством Одиннадцатого,
да не тут-то было.

- Да как же ж можно! – шептал Народ как один человек, от министров до фрейлин включительно, – отец ты наш новоявленный!

- Оставь, зять, – шепнул на ухо стоявшему во весь свой заморский рост шаху король, величаво садясь на трон, – Ты наших не знаешь. А я знаю. Потому что они – мои.

И ударил о половицы скипетром, Да так грозно, что все немедленно радостно закивали головами, и вдруг, как по сигналу, посерьезнев, забормотали молитвы.

- Не страдай, милый, – успокоила Прицесса шута, – тебя я сделаю Любовником. Обещаю!

Трое суток кряду продолжалась свадьба. А в воскресенье Принцесса вспомнила Гнома, взяла пирожных и пошла проведать его.

- Как хорошо, что я не превратилась в пчелиный рой, – думала она дорогой. – Теперь будет с кем поговорить.

Но спальня была пуста. Только с каминной решетки свисал поводок, на котором сиротливо болталась

*Медаль
За Кавалерийскую Удадь.*

Ноги у Принцессы подкосились и она упала в кресло.

- Неужели сорвался? – с ужасом подумала она.

Кликнули Вернулю.

Самая Верная Подруга сообщила, что два дня и две ночи Гном отказывался от еды, сидел неподвижно, положив смычок на колени, и смотрел в камин. Вечером в субботу он еще сидел на цепочке, а утром в воскресенье его уже не было.

Обыскали весь дворец, но не нашли решительно никаких следов Гнома – даже шкурки. Сыскалась только скрипка, валявшаяся за троном, куда Принцесса швырнула ее всердцах.

- Не хочу, чтобы мой Гном исчез! Я же не знала, что он такой обидчивый! Я только хотела указать ему на ошибки, отругать как верноподданного, по-человечески чуточку наказать розгами, а он... а он... - и Принцесса заревела, да так громко – не передать. Потребовалась вся дипломатия Одиннадцати Министров, чтобы объяснить ей что-то и хоть как-то успокоить.

МЫ НАПАЛИ НА СЛЕД!

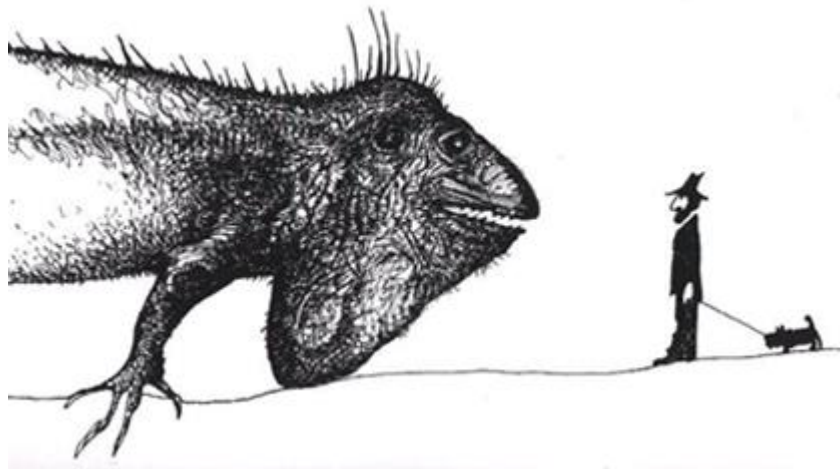
– на четырнадцать голосов пели одиннадцать министров фальцетами, –
И В РАССЛЕДОВАНИИ УЖЕ ОПРЕДЕЛЕННО НАМЕТИЛСЯ
НЕОПРЕДЕЛЕННЫЙ
ПРОГРЕСС.

Но как принцессу ни утешали, все было тщетно. Она была безутешна. Только через четверть часа она позволила привести себя в порядок и вышла к гостям.

Без гномов королевство зажило лучше, веселее. Голодную зиму пережили с песнями и прибаутками. Никто не ворчал, а только затягивали потуже пояса и корсеты, понимая, что по сравнению с опасностью, которая угрожала королевству, недостаток продуктов питания – пустяк, о котором и упоминать-то совестно.

Зато на следующий год,
когда опять
была
засуха,

строгий король, поглядев на лица своих людей и что-то прочитав в них, продал по сходной цене корону, а на вырученные деньги купил для подданных бананов. За это строгого короля любили до самой смерти, а когда он умер, радовались еще больше, потому-что заморский шах присоединил их Великое Свободлюбивое Королевство к его Заморской Империи, ставшей с тех пор уже не заморской.

Эпилог

С Вернулей, проворонившей Гнома, Принцесса обошлась милостиво – по той причине, что телесные наказания в этот момент в Королевстве были уже запрещены, но еще не восстановлены. Ее лишь прогнали с глаз долой на скотный двор – и только.

Шута Принцесса, как и обещала, сделала своим любовником. Правда, он хотел жениться на Вернуле, но Принцесса не позволила.

- Все, что угодно, только не это! – будто бы при этом сказала она.

Шут был неизменно остроумен и жизнелюбив, и дожил бы до глубокой старости, если бы в один прекрасный день его не нашли на дне Центрального Королевского Пруда с камнем на шее. Этот несчастный случай поверг принцессу в безутешную печаль и похоронен он был с почестями, какими
удостаивают
только
баронов.

На скотном дворе Вернуля прослужила недолго.

Через девять месяцев

– день в день! –

она вышла замуж

за Славного

Рыцаря

Галембу.

У них было шестеро детей,

все девочки,

и все похожие на заморского шаха,

как шесть капель воды.

Вернувшись с Принцессой, как ни странно, оставались подругами до самой смерти и никогда не расставались. Принцесса жила долго и, даже будучи Королевой-Бабушкой, сохраняла обаяние и девичью непосредственность. Она положила волшебную скрипку в янтарную шкатулку и, когда становилось особенно тошно, вынимала ее оттуда, сдувала пыль и легонько пощипывала пальчиком струны, сокрушаясь, что в свое время не догадалась заодно отобрать у Гнома и волшебный смычок.

А когда Королевы не стало, скрипку отдали в казну. Она и сейчас там лежит, если только ее кто-нибудь не украл.

